

Семен Венгеров

Причины гусситско- таборитского движения

Семен Венгеров

**Причины гусситско-
таборитского движения**

«Public Domain»

1881

Венгеров С. А.

Причины гусситско-таборитского движения / С. А. Венгеров —
«Public Domain», 1881

«Главное впечатление, которое выносит каждый, кто знакомится с историей гусситско-таборитской войны, кто узнаёт про эти бесчисленные битвы и сражения, про эти сотни разоренных, обращенных в груды пепла и мусора городов, тысячи стертых с лица земли сел и деревень, десятки тысяч стоптанных и сожженных полей, сотни тысяч убитых людей, – главное впечатление, которое выносишь из этого моря крови и вообще из всей суммы произведений сумятицы есть, без сомнения, впечатление необыкновенной силы, необыкновенной интенсивности чешского движения. И действительно, оно принадлежит к самым сильным, к самым упорным движениям, какие только известны за все время исторического существования человечества...»

© Венгеров С. А., 1881

© Public Domain, 1881

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Семен Венгеров

Причины гусситско-таборитского движения

1

Главное впечатление, которое выносит каждый, кто знакомится с историей гусситско-таборитской войны, кто узнаёт про эти бесчисленные битвы и сражения, про эти сотни разоренных, обращенных в груды пепла и мусора городов, тысячи стертых с лица земли сел и деревень, десятки тысяч стоптанных и сожженных полей, сотни тысяч убитых людей, – главное впечатление, которое выносишь из этого моря крови и вообще из всей суммы произведений сумятицы есть, без сомнения, впечатление необыкновенной силы, необыкновенной интенсивности чешского движения. И действительно, оно принадлежит к самым сильным, к самым упорным движениям, какие только известны за все время исторического существования человечества. Из войн, которые когда-либо велись ново-европейскими народами, гусситские – самые упорные. Страшна была столетняя война, истощившая Англию и Францию; но то были две могущественные нации, занимавшие первые места в ряду европейских народов. Продолжительна и ожесточенна была тридцатилетняя война, потому что вся Европа разделилась на две равные враждующие стороны. Войны Людовика XIV, семилетние походы Наполеона – все это может-быть мало чем уступить гусситским войнам; но ведь опять-таки действующими лицами в них являлись могущественнейшие европейские народы, и притом очень редко одни, а большею частью в коалиции. Одна только борьба революционной Франции против соединенных монархов может идти в некоторую параллель геройской обороне малочисленного народа против полчищ целой Европы. Но не следует, однако же, забывать того, что революционные войны длились всего несколько лет, а гусситские – несколько десятков лет. Притом же Франция много-много обширнее, богаче и населеннее небольшого Чешского королевства.

Как же сильны и могущественны должны быть те причины, которые послужили источником такой необыкновенной выдержки и нравственной бодрости?

Мы сказали – «сильны и могущественны». Сильные должны были существовать причины, не зависевшие от чехов, сильным должен быть гнет, вызвавший противодействие, и могущественною должна быть высота нравственного чувства, нашедшего в самом себе такую несокрушимую опору.

Но, к удивлению, из этих двух факторов всякого народного движения в гусситско-таборитском вы находите только второй. Если вы станете искать в Чехии XIV века обычные причины народного неудовольствия, вы их не найдете. Конечно, до райского житья было очень далеко, но ведь припомните только объем протеста, – вспомните, что во всех народных движениях действие и противодействие всегда находятся между собою в самой строгой гармонии.

И действительно, мы видим, что исследователи, мало обращающие внимание на высоту нравственного чувства, как могущественного фактора в жизни славянских народов, становятся совершенно в-тупик. Профессор Гёфлер – ученый, сделавший из гусситско-таборитской эпохи свою специальность – прямо говорит:

«После многолетних занятий гусситством я не могу себе дать никакого отчета, каким образом дело дошло до революции, – до такой степени она мало проистекала из положения вещей»².

¹ Настоящая глава представляет собою отрывок из большего этюда «О гусситстве и таборитстве», который в свою очередь составляет часть приготавливаемого к печати исследования о «народных движениях славянского племени».

² Fontes rerum Austriacarum. Erste Abtheilung, Band. VII, Theil. III. Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung in Böhmen. Herausgegeben von Konstantin Höffler. Wien. 1866.

Недоумение почтенного профессора объясняется тем, что действительно трудно подвести гусситско-таборитское движение под один из обычных видов народного протеста. Протест политический, национальный, экономический и религиозный – вот типы, под которые может быть подведено всякое народное движение. Бывает, конечно, и смешение всех этих элементов, но один какой-нибудь преобладает и дает окраску целому. Жакерии были протестом экономическим, хотя конечно и желание политической равноправности играло в них роль. Такой же характер носят крестьянские войны в Германии, разиновщина, пугачевщина и гайдамачина у нас. Революция 1789 года была преимущественно политическая, хотя она встретила отклик и в экономически-угнетенном крестьянстве. Реформация была протестом религиозным, хотя и в ней нежелание откармливать католическое духовенство и желание князей захватить богатства духовенства играли не последнюю роль. Наконец, многочисленные восстания балканских славян следует назвать национальным протестом, хотя и в них экономическое угнетение народа турецкими податями и поборами имело огромное значение.

К какой же категории следует причислить гусситов и таборитов?

Ответ на это нам может дать только картина внутренних отношений Чехии XIV и начала XV века. Картина эта покажет нам, что гусситство и таборитство нельзя назвать экономическим протестом, потому что чешскому простому люду относительно жилось куда лучше, чем в остальной Европе, – что чешское движение нельзя назвать политическим неудовольствием, потому что в Чехии не было политического гнета, – что тут не применимо понятие религиозного протеста, потому что под религиозными требованиями наиболее характерных представителей движения таборитов скрывалось совсем иное содержание, – что, наконец, было бы совершенно неосновательно приписывать гусситству преимущественно национальный характер, хотя, несомненно, вражда между чешской и немецкою народностью подливала масла в огонь.

Мало имея сходных черт с обычными видами народных протестов, гусситство представляет собою крайне редкий случай *чисто-нравственного* движения. Против этого эпитета можно спорить, потому что во всяком протесте выражается стремление восстановить нарушенную правду и справедливость и, следовательно, в основе его лежит нравственная чуткость, готовность подкрепить слово делом. Но нельзя же не назвать более нравственным того, кто восстает только во имя попоранной неправды, чем того, кто восстает потому, что эта неправда не дает ему свободно вздохнуть. Мы потому и называем гусситство *чисто-нравственным* движением, что оно проистекло не от обилия чинимой чехам, а от обилия в них стремления к *правде*.

I

Как и все славяне, чехи в начале своего исторического существования отличались от других народов большим развитием демократических чувств. Хотя новейшая сравнительная антропология и доказывает, что все народы проходят одни и те же ступени развития, она этим ничуть, однако же, не желает сказать, что все народы одинаково долго пребывают на той или другой степени развития и что всем народам та или другая степень развития одинаково приходится по вкусу. Интенсивность прохождения общих всем народам фазисов различна и это-то и создает племенные особенности. Нет никакого сомнения, что и германцы, и галлы, и иберы, также как и славяне – на заре своего исторического существования были более демократичны, чем в позднейшие времена, когда вместе с «культурой» явилось угнетение слабых и неимущих. Но разве все эти народы одинаково стойко отстаивали свою первобытную свободу? Посмотрите, как быстро и прочно утвердилось в Германии крепостное право и как медленно, на протяжении многих веков, можно даже сказать целого тысячелетия, оно прививалось славянскому праву. Вот почему мы ничуть не впадаем в противоречие с новейшей антропологией, когда говорим, что демократичность есть племенная особенность славянства. Не в том смысле она – славянская особенность, что у других её не было, а в том, что славяне цепче других народов ухватились за нее. Византийские писатели знали много первобытных народов: и германцев, и гуннов, и куман, и хазар, и множество других. Все эти народы были одинаково первобытны и однако же демократичность (так-таки полным афинским термином *δηροκρατία*) византийцы отмечают только у славян.

Дальнейшие доказательства отвлекли бы нас в сторону, и потому ограничимся здесь одним, касающимся предмета статьи: сравним чехов с аборигенами Чехии – кельтским племенем *боев*. Это сравнение покажет нам, что далеко не все народы, находясь на одной и той же ступени развития, имеют одни и те же общественные понятия и учреждения.

О жизни самих боев не сохранилось особенно много указаний, но нет никакого основания полагать, чтоб она чем-нибудь отличалась от образа жизни кельтов Галлии и Италии, о которых осталось больше известий.

Всякое кельтское племя «распадалось на множество самостоятельных друг от друга волюстей, но народ в них разделялся на наследственные сословия с весьма неравными правами. Жреческое сословие друидов пользовалось огромным влиянием, благодаря своей иерархически-судейской власти и страху пред религиозным проклятием, предать которому зависело от него. Дворянство было сильно земельною собственностью и установившеюся в среде низших классов привычкою подыскивать себе дворянина-покровителя. Оно одно вело войну и скоро захватило, всю власть в свои руки. Народ хотя и был первоначально свободен, но не имел однакоже никаких средств заставить слушать себя, кроме вступления в число клиентов могущественных дворян, которые за принятие под свою защиту пользовались услугами защищаемых»³.

Ничего подобного мы не встречаем у чехов. Первые слабые проявления сословных перегородок появляются не раньше III века. То-есть когда чехи стояли на неизмеримо высшей ступени культуры, чем кельты первых веков по Р. Х., когда у них появилась уже литература и были такие летописцы, как Козьма Пражский. Чрезвычайно характерна фраза, которую этот самый Козьма влагает в уста Премысла, первого князя чешского. Из земледельца сделанный князем, Премысл обращается к своим будущим преемникам и увещевает их не злоупотреблять властью.

³ *Paiazky*, Geschichte von Böhmen, Band. I, стр. 23.

«Пусть помнят наши потомки про свое происхождение, пусть не допустят себя до того, чтоб угнетать своим тщеславием людей, порученных им Богом, *потому что все люди равны между собою от природы*»⁴.

Такая фраза, конечно, сочинена самим летописцем и характеризует понятия того века, в котором он жил.

Все вообще предание о Премысле чрезвычайно интересно для характеристики народных чешских идеалов. До Премысла высшею властью пользовался Крок. Народное предание не делает его сыном богов или знаменитым воином, – нет, Крок достиг высшей власти тем, что своим умом, справедливостью и заботой об общем благе превосходил всех современников⁵.

⁴ *Hermergild Irecek*, *Das Recht in Böhmen und Mähren*, стр. 71: «Sciant nostri posterī, unde sint orti et ut semper vivant pavidi et suspecti, nec homines a Deo sibi commissos injuste opprimant per superbiam, quia facti sumus omnia aequales per naturam».

⁵ *Palazky*, Band. I, стр. 161.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.